

Славянская лінгвістычная географія з моманта свайго зароджэння прайшла доўгі і многотрудны шлях развіцця. Претэрпевшы важныя змены як у агульна-навуковым, так і метадалагічным плане, яна углыбіла онталогічную спецыфіку аб'екта даследавання і метадаў яго даследавання.

Сучасны этап славянскай лінгвістычнай географіі можа быць ахарактарызаваны як этап стварэння дыялекталогічных атласаў самаго рознага тыпу (тэрытарыяльных, нацыянальных, міжнародных, праблемных, інтэрпрэтацыйных і др.), якія дазваляюць не толькі ўдасканаліць прыёмы і метады даследавання, але і пашырыць даследчую парадыгму. Гэтаму ў немалой ступені спрыяла ўзростнае цікавасце да вывучэння лексіка-семантычных дыялектных розніц, шырокамасштабнае лексікаграфічнае і монаграфічнае апісанне дыялектнай лексікі. Стварэнне магутнай лексікаграфічнай базы дало магчымасць выявіць слоўныя і семантычныя дыялектныя розніцы і ў тое ж час знайсці сутэльныя прабелы ў іх лінгвагеаграфічным размеркаванні.

Вядома, што пры вывучэнні дыялектаў найбольшыя цяжкасці выклікаюць т.н. "лексічныя дыялекцізмы", лёс якіх часта бывае асаблівым. У адрозненне ад фонетычных і морфалагічных розніц, якія ўтвараюць досыць кампактныя групы ізоглос, лексічныя дыялекцізмы прадстаўляюць, на першы погляд, у выглядзе "хаатычнага" пераплецення ізоглос, не паддаюцца прачтэнню. Аднак накоплены і каталогізацыя дыялектных розніц на лексіка-семантычным узроўні прывялі паступова да пераадолення скептычнага адносіны да фактаў лексікі і словаўтварэння (ідушага з часам малаграматызму) як да фактаў, якія ў сілу свайго мозаічнасці і павышанай мовнай праніцаемасці не дазваляюць правесці арэальную класіфікацыю таго ці іншага дыялектнага канцінуума¹ (не выпадкова гэтыя розніцы кваліфікуюць часта як "аморф-

ныя і некарреляцыйныя" [Івіч, 1965: 19]).

Актыўнае даследаванне лексіка-семантычных дыялектных розніц, дасягнутыя польскімі і словацкімі дыялектолагамі ў складанні лексічных і словаўтваральных атласаў, зрабілі актуальнай задачу стварэння лексічных атласаў усходнеславянскіх моў, у сувязі з чым у ўсіх трох усходнеславянскіх навуковых цэнтрах шырока развілася праца над стварэннем нацыянальных лексічных атласаў.

Адной з першых гэту задачу вырашыла беларуская школа лінгвістычнай географіі. Успех беларускіх дыялектолагаў аказаўся ў многім прадэterminаваны публікацыяй у 1963 г. дыялекталогічнага атласа [ДАБМ 1963], дазваляўшага чётка апрацаваць метады збору і картографавання матэрыяла. Прайшоў шлях сур'ёзных тэарэтычных абагульненняў матэрыялаў ДАБМ (што выявілася перада ўсё ў напісанні такога надзвычайна важнага для беларускай лінгвагеаграфіі труда, як [ЛГТБГ 1968], беларускія дыялектолагі ў 1971 г. звярнуліся да збору матэрыяла для лексічнага атласа, паколькі карты ДАБМ "даюць магчымасць апісаць толькі фонетычны і морфалагічны ўзровень беларускіх народных гавораў" (ЛАБНГ, 3). "Лексічны атлас беларускіх народных гавораў" (ЛАБНГ) з'явіўся, такім чынам, логічным працягам "Дыялекталагічнага атласа беларускай мовы".

Накоплены досвед стварэння лінгвістычных атласаў сведчыць аб тым, што якасць атласа, зместнасць і інфарматыўнасць яго карт у многім абумоўлены такімі фактарамі, як склад пытання (імяна пытанне, яго аб'ём забяспечвае поўноту матэрыяла і надзейнасць выяўленых дыялектных розніц), метады збору і запісу матэрыяла, яго структурная інтэрпрэтацыя, картографічная канцэпцыя атласа і сетка яго населеных пунктаў.

Лексічны атлас мае досыць шчыльную сетку населеных пунктаў (хоча і больш рэдка, чым у ДАБМ), а імяна 149 пунктаў, уключаючы і сем дадатковых, атрымалі буквеннае абазначэнне (напрыклад, 25а, 49а, 96а і т.д.). Сярэдняя нагрузка сеткі адзін населены пункт на 1600 кв. км пры сярэдняй адлегласці паміж імі 30–40 км (ср. у [ДАБМ 1963] 10–15 км). Што датычыцца пытання, то яно змяшчае каля чатырох тысяч пытанняў (3972), пабудаваных

¹ Сшылюсь у сувязі з гэтым на меру Г. Паўля, папярэдняга, што "найбольш характэрным прызнакам з'яўляюцца гукныя адносіны... Менш за ўсё характэрны слоўны склад мовы і яго выкарыстанне. Тут часта сустракаюцца заёмствы з аднаго дыялекта ў іншага, так і з аднаго мовы ў іншага" [Paul, 1880: 242].

ных по ономаσιологическому и семасиологическому принципу и охватывающих 56 предметно-тематических групп. В отдельный раздел выносятся "Семантика", объединяющая в своем составе многозначные слова (хотя отдельные семантические вопросы включаются непосредственно в различные тематические разделы вопросника) и "Словообразование и ударение" (где группируются вопросы, позволяющие выявить особенности в слово- и формообразовании, акцентуации в парадигмах склонения или спряжения). Несмотря на то, что вопросник построен по тематическому принципу, внутри многих его разделов используется принцип лексико-семантических групп (см., например, предметно-тематический раздел "Рельеф" или "Сельское хозяйство"). Такой детализированный вопросник позволил впервые в лингвистической географии применить системный подход к картографической репрезентации лексики (напомним, что еще в начале века вопрос о системности в исследовании диалектной лексики даже не ставился, в связи с чем большинство лингвистических атласов, в том числе и лексических, традиционно строились как дифференциальные). Следует, однако, сказать, что в процессе подготовки материала к печати часть его по разным соображениям была отведена от картографирования, но в дальнейшем (как указывают авторы) он будет, несомненно, использован как при составлении диалектных словарей, так и при написании монографических исследований.

Кроме материала, собранного в полевых условиях, привлекались материалы картотек диалектных словарей (в частности, "Слоўніка беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча", "Тураўскага слоўніка" и др.), т.е. материал Атласа был пополнен и проверен авторами обращением к областным словарям. В результате Атлас явился своеобразной иллюстрацией диалектных словарей, поскольку ни один из них не дает полного представления об ареалах слов и их значений. Благодаря системному принципу построения вопросника, в Атласе впервые удалось представить в пространственной проекции основные звенья словарного состава белорусских народных говоров, выявить ареалы слов, принадлежащих к разным предметно-тематическим и лексико-семантическим группам, локализовать семантические и структурные различия картографируемых лексем.

Как известно, современные диалекты представляют собой сложное явление, в котором наряду с архаизмами, региона-

лизмами и диалектизмами, представлено множество черт, свойственных и литературному языку. Одинаковое внимание авторов как к собственно лексическим (и семантическим) диалектизмам, так и к словам, входящим в словарный состав литературного языка, позволило представить на картах диалектные различия во всей их структурной сложности (в том числе выявить в полном объеме и лексико-семантические различия картографируемых слов). Все это позволяет оценить Атлас как крупное лингвистическое явление, причем не только в восточнославянском, но и общеславянском масштабе, поскольку ни одна из славянских стран пока не располагает таким фундаментальным сводом диалектных различий, относящихся к лексике и словообразованию, какой содержится в ЛАБНГ (даже в таком крупномасштабном издании, как [ASJ 1968–1984] только один том посвящен полностью лексике и один словообразованию).

Белорусский лексический атлас состоит из пяти томов, каждый из которых представляет собой блок тематически связанных карт:

1 том посвящен растительному и животному миру (в него входит 368 карт, иллюстрирующих лексику 10 предметно-тематических групп: домашние и дикие животные, домашние и дикие птицы, лес, плодовые деревья, кустарники, ягоды, цветы, травы, грибы, пчеловодство, рыбы и рыболовство, земноводные и насекомые);

2 том — сельскому хозяйству (хотя содержание этого тома значительно шире, поскольку сюда включены карты, репрезентирующие лексику, относящуюся к предметно-тематической группе "Атмосферные и климатические явления", а также "Рельеф"), всего 354 карты, представляющие лексику 15 предметно-тематических групп: небесные светила, погода, поверхность земли, водоемы, пути сообщения, движение, перемещение в пространстве, сельское хозяйство, поле, почва, посев, выращивание и уборка урожая, огородничество и огородные культуры, молотьба и очистка зерновых, сенокос, корма, орудия труда и их части, телега, сани;

3 том — человеку: названия человека по роду деятельности, имущественные отношения, торговля, внешние особенности и черты характера, организм, болезни, гигиена, языковые характеристики, термины родства, дети, старинные верования, производственно-бытовые праздники, традиционные и религиозные праздники — всего 10 предметно-тематических групп (293 карты);

4 том – традиционной народной культуре: строительству, постройкам, в том числе названиям хаты, печи; освещению в хате, мебели, усадьбе, ограде, обработке льна, ткачеству, приготовлению пищи, посуде, названиям одежды и украшений, шитью, обуви – всего 11 предметно-тематических групп (439 карт);

5 том включает цветные карты, посвященные семантике, слово- и формообразованию, акцентуации (361 карта).

В 1 томе, кроме лингвистических карт, помещены исторические (или точнее историко-административные) карты, которые позволяют соотнести факты территориального варьирования лексики с данными истории, археологии и этнографии.

Большинство карт каждого тома Атласа являются лексическими или лексико-словообразовательными, так как на них эксплицируются различия в наборе лексем (служащих обозначением того или иного денотата) и/или их структурной организации. Значительно меньше собственно словообразовательных, семантических и лексико-семантических карт. Иногда встречаются чисто фонетические карты, иллюстрирующие различия в фонетическом оформлении картографируемого слова (см., например, карты №№ 6 'рабы' (т. 1), 26 'дождж' (т. 2), 86 'падэшва' (т. 3) и др.), и очень редко лексико-этнографические (см., например, карту № 52 'старажытны магільны насып' (т. 2)), хотя присутствие этих карт в Атласе представляется чрезвычайно важным, поскольку в силу своей изначальной комплексности они позволяют совместить лингвистическую информацию с этнографической, что значительно повышает их ценность в решении исторических и этногенетических проблем (см., например, удачную, на наш взгляд, серию лексико-этнографических карт в "Лексическом атласе Архангельской области" Л.П. Комягиной). Сошлюсь в связи с этим на слова Н.И. Толстого, который, обосновывая необходимость составления лексико-этнографических карт, указывал на то, что "метод параллельного рассмотрения изоглосс и изопрагм полезен потому, что он стимулирует сбор и обработку материала в пространственной проекции, привлекает внимание этнографов к фактам лингвистическим, а лингвистов – к этнографическим. Однако его основная ценность в комплексном подходе к материалу, к предмету исследования в том, что этнографические показания дополняют и завершают лингвистические и, наоборот, лингвистические показания дают часто

прочную базу этнографическим разысканиям" [Толстой, 1977: 22].

В Атласе, к сожалению, отсутствуют также мотивационные и номинационные карты, хотя материал для этих карт имеется в каждом томе (см., например, карты первого тома №№ 224 'буякі', 240 'ваўчкі', 244 'адуванчык', 252 'спарыш', 285 'ваўнянка' и др., материал которых иллюстрирует различия в мотивировочных признаках, или карты №№ 30 'знаходзіцца ў стане цечкі', 37 'асенняе ягня', 181 'страчковы корань дрэва', 279 'баравік' и др., репрезентирующие различия в принципах номинации).

Не лишней, как представляется, была бы и публикация в каждом томе или в конце пятого тома обобщающих ареалогических карт (типа карт изоглосс или карт ареальных площадей, на которых синтезируются материалы всего тома и иллюстрируется диалектное членение белорусских говоров, см., например, подобные карты в словацком национальном атласе или в архангельском атласе Л.П. Комягиной).

К числу несомненных достоинств Атласа относится его частеречная многоаспектность, поскольку во многих лингвистических программах и вопросниках основное внимание уделяется чаще всего существительным (как части речи наиболее изученной в лингвогеографическом плане). Сведения же о других частях речи собираются, как правило, попутно и очень избирательно, что не позволяет составить представления о диалектной специфике таких частей речи, как прилагательное, наречие или глагол. Белорусским диалектологам посчастливилось избежать этой односторонности в подходе к материалу: наряду с существительными, здесь широко представлены прилагательные (особенно их много во 2 томе, в разделе, посвященном личностной характеристике человека, его физическим, психическим, моральным и иным свойствам), наречия, глаголы и даже частицы (сожаление в связи с этим вызывает отсутствие подзывных слов в томе, посвященном сельскому хозяйству). На картах Атласа отчетливо выявляется специфика этих частей речи как на фонетическом, так и на лексико-словообразовательном уровне (иногда же они прослеживаются и в семантике, особенно много таких карт в 3 томе атласа, см., например, карты №№ 3 'лупаты', 124 'працаць', 183 'чвэрыць', 186 'вайцяць', 188 'дзеякаць' и др.).

Чрезвычайно интересной и в лексико-словообразовательном и в лингвогеогра-

фическом отношении является серия антропонимических карт 5 тома (см. карты № 74–84, посвященные мужским именам собственным), которые практически никогда не встречаются среди атласируемых явлений.

Удачным представляется и способ подачи диалектного материала: 1) в виде отдельного общего индекса, прилагающегося к каждому тому; 2) в виде строго классифицированного в структурном, семантическом и ареальном плане списка картографируемых лексем в каждом комментарии к карте (что не только значительно облегчает чтение карты, но и дальнейшую исследовательскую работу).

Как уже отмечалось, вопросник Атласа отличается чрезвычайной детализированностью. Однако в Атлас вошла лишь половина карт от общего числа вопросов. Эта излишняя строгость авторского коллектива к отбору материала для картографирования сказалась, к сожалению, на тематическом объеме Атласа, вследствие чего возникли досадные лакуны (в 1 томе, например, ощущается отсутствие карт, посвященных названиям лошадей и собак по их функциональному назначению, названиям шкуры и мяса животных; 2 том только бы выиграл, если бы в него вошло больше карт, посвященных названиям дорог, в частности, плохой дороги, зимней или летней дороги; в 3 томе явно недостает оценочных названий человека, типа *красивый* ~ *некрасивый*, *высокий* ~ *невысокий*, *толстый* ~ *худой* и т.д., а также названий, указывающих на физические недостатки человека, типа *слепой*, *глухой*, *косоглазый*, *горбатый* и др.), вместе с тем в каждом томе имеются малоинформативные карты, необходимость и целесообразность составления которых вызывает сомнения (см., например, карты №№ 187 '*наворысты*', 202 '*калодка*' (т. 1) или 94 '*значэнне слова берва*', 127 '*навіна*', 133 '*значэнне слова пеліка*', 134 '*значэнне слова цындра*' (т. 2), 150 '*прылунелы*', 155 '*значэнне слова атарыца*', 189 '*значэнне слова майначыць*' (т. 3) и т.д.).

Особо следует отметить высокий уровень картографического решения карт, большая часть которых отличается четкостью и строгостью картографической репрезентации материала. При разработке картографической концепции Атласа авторы опирались на опыт славянской лингвогеографической школы, а также Общеславянского лингвистического атласа. Картографичес-

кое решение каждой карты строится на строгой иерархически организованной системе графических средств. Системный подход к выбору картографических знаков позволил соблюсти их типологическую соотнесенность, когда выбор знака, обозначающего первый член ареальной оппозиции в инвариантном ряду, предопределяет последующее графическое решение карты. Построение каждой легенды в одном ключе позволило авторам передать на карте чрезвычайно сложные, разноплановые структурные и семантические различия, используя при этом лишь классический набор геометрических фигур и их графических модификаций. Вместе с тем на некоторых картах принцип системного картографирования последовательно не выдерживается (см., например, карту № 221 (т. 1) '*шыпшына*', на которой через квадрат передана лексема *шыпшына*, а кругом – лексема *шыпшыннік* или карту 42 '*гадун, аднагадовае жарабя*' (т. 1), где лексема *гадавік* передается кругом, а структурно соотносимые с ней лексемы *гадун*, *гадунец* – эллипсом; карту 56 '*низкае месца*' (т. 2), на которой внутренние диакритики круга, репрезентирующего лексемы *ніз*, *нізіна*, *нізіна*, не соответствуют диакритикам квадрата, передающего лексемы *дол*, *даліна*, *даліна*). Не достаточно четко выдерживается и принцип картографической передачи фонетических и словообразовательных вариантов: на многих картах Атласа фонетические варианты передаются разными заливками знака (см., например, карты 1 тома №№ 61 '*пастух*': лексемы *па́стыр* и *пасты́р*; 75 '*логава ваўка*': лексемы *ло́гаві́шча* и *лагаві́шча*; 86 '*кажан*': лексемы *каржа́н* и *ко́ржан*; 96 '*качар*': лексемы *селязе́нь* и *се́лезень* и др.), тогда как словообразовательные – внутренними диакритиками (см., например, карты №№ 63 '*падпасак*': лексемы *падпа́сак*, *падпа́савіч*, *падпа́січ*; 66 '*званок на шыі каровы, авечкі*': лексемы *звано́к* и *званéц*; 82 '*ласка*': лексемы *ла́ска*, *ла́сачка*, *падла́ска* и т.д.). Однако нередко значение этих знаков оказывается прямо противоположным (см., например, передачу словообразовательных вариантов с помощью разной заливки знака на картах 1 тома №№ 41 '*жарабец*': лексемы *жарабе́ц* и *жарабо́к*; 202 '*калодка*': лексемы *кало́да* и *кало́дка*; 264 '*свірэпа*': лексемы *свірэ́па* и *свірэ́піца*; 251 '*трыпутнік*': лексемы *падаро́жнік* и *прыдаро́жнік*, хотя в той же легенде лексемы *ба́бка*, *ба́бнык*, *бабо́к* передаются знаком с внутренними диакри-

тиками и т.д.; или передачу фонетических вариантов через внутренние диакритики на картах №№ 19 'цыцка у каровы': лексемы *цыцка* и *цыцка́*; 36 'авечка': лексемы *авэчка*, *гавэчка*, *вэчка*; 51 'шкадлівая жывёліна': лексемы *шкадлівая* и *шко́длівая*; 81 'тхор': лексемы *тхор* и *хор* и др.).

Как известно, наглядность карты, ее репрезентативность во многом зависит от правильного выбора ее цветового решения. На большинстве карт Атласа знаки, имеющие заливку или внутреннюю диакритику, закрепляются, как правило, за лексемами, покрывающими большие ареалы, вследствие чего карты легко прочитываются (даже при беглом просмотре), однако иногда встречаются и так называемые "слепые карты", картографическое, а точнее цветовое решение которых представляется неудачным (см., например, карты 1 тома №№ 104 'жаўток', 143 'яловы лес', 174 'цень ад чалавека' или 2 тома №№ 189 'агурок', 194 'качан', 195 'храпка' и др.), практически не различимы знаки на карте № 38 'маркач' (т. 1), соответствующие лексемам *маркаль* и *мархаль*.

Однако все эти погрешности (неизбежные во всякой большой работе) кажутся незначительными перед главным итогом Атласа — границы фонетических и морфологических явлений нашли свое продолжение в границах лексических, семантических и словообразовательных. Взаимно усиливая друг друга, они подтверждают диалектное членение белорусских говоров, предпринятое белорусскими диалектологами на основе материалов ДАБМ (см., например, следующие карты, иллюстрирующие типичные диалектные ландшафты, свидетельствующие о противопоставленности белорусских говоров:

северо-восточные диалекты: т. 1 к. 28 'прамая кішка' (с характерной для них лексемой *гузечніца*); к. 168 'драўляны' (*драўлянны*); т. 2 к. 78 'муціць воду' (*бузяніць*, *бузіць*); к. 91 'галашчок' (*галута*, *галутва*); т. 3 к. 53 'дзясны' (*ялкі*); к. 171 'хлапчук' (*мальчук*, *мальчонак*) и т.д.;

среднебелорусские диалекты: т. 1 к. 181 'страчковы корань дрэва' (с характерной для них лексемой *пастарнак*, *ствол*); к. 350 'здрок' (*зык*); т. 2 к. 171 'поле пасля гароху' (*гарошнішча*); к. 186 'стрэлка ў цыбулі' (*цыбук*); т. 3 к. 157 'залоўка' (*залвіца*) и т.д.;

юго-занадныя диалекты: т. 1 к. 188 'выварацень' (с характерной для них лексемой *выварат*); к. 222 'ажыны' (*ажыны*); к. 310 'пчолы-разведчыкі' (*скаль*);

т. 2 к. 88 'груда' (*храна*); к. 175 'ніжняя частка снапа' (*гузыр*); т. 3 к. 136 'значэнне слова асца' (*сліна*); к. 148 'кідаць (пра эпілепсію)' (*трэсе*); к. 158 'цешча' (*тэшча*) и т.д.

Причем на картах атласа отчетливо выделяются не только основные диалектные массивы, но и зональные, а также более мелкие единицы диалектного членения белорусских говоров — группы, см., например, карты, иллюстрирующие зональное противопоставление белорусских говоров:

юго-восточная зона: т. 1 к. 125 'сіваграк' (с характерными для нее лексемами *сіваграк*, *сіваграка*, *сівакрака*, *сівадрака*); к. 296 'нізка грыбоў' (*нізка*); т. 2 к. 118 'даць выспятка' (*даць выспятка*, *даць насцака*); к. 163 'спарыння ў жыце' (*ражок*); т. 3 к. 55 'паднябенне' (*неба*, *нёба*); к. 142 'пякотка' (*печая*) и т.д.

северо-западная: т. 1 к. 15 'рабро у жывёлы' (с характерной для нее лексемой *жабрына*); к. 297 'пчала' (*пшчала*); к. 318 'дымар' (*курэль*); т. 2 к. 113 'сесці на цыпачкі' (*на какарачкі*); к. 138 'паласа ворнай зямлі' (*шнур*); т. 3 к. 17 'шанцуе' (*шэнціць*); к. 38 'сварка' (*вада*, *звада*) и т.д.;

восточная: т. 1 к. 207 'касцёр дроў' (с характерными для нее лексемами *скірда*, *скірда́*); к. 223 'чорныя парэчкі' (*смуро́да*, *смуроды*); т. 2 к. 2 'месяц' (*месячка*); к. 40 'ледзяшы' (*сусолкі*); т. 3 к. 78 'застраміць' (*заскабаць*); к. 134 'нудзіць' (*вадзіць*) и т.д.;

западная: т. 1 к. 57 'рожа, хвароба ў свіней' (с характерной для нее лексемой *чырвонка*); к. 196 'пілавінне' (*нілавінне*); т. 2 к. 62 'рудая вада на балоце' (*руда*); к. 139 'гоні' (*гоны*); т. 3 к. 82 'пухір' (*вадыр*); к. 168 'айчым' (*айчым*) и т.д.;

средняя: т. 1 к. 319 'чмель' (с характерной для нее лексемой *чмель*); к. 335 'жак' (*венцер*); т. 2 к. 28 'навальніца' (*навальніца*); к. 183 'прарасці' (*пахрасцілася*); т. 3 к. 86 'падэшва' (*падэшва*); к. 227 'араты' (*араты*).

Этот теоретический итог Атласа имеет чрезвычайно важное значение, поскольку совпадение лексических ареалов с фонетическими и морфологическими опровергает неоднократно высказывавшееся мнение о том, что какой-либо связи между лексическими и фонетическими изоглоссами не наблюдается (см., например, [Dauzat, 1921: IX]).

Теоретическое осмысление данных лексики и словообразования в ареальном аспекте поможет в дальнейшем расширить

представление о дифференциальных признаках белорусских говоров и выделить новые как противопоставленные, так и непротивопоставленные различия.

Карты Атласа, в основе которых лежит синхронный принцип выявления диалектных различий, открывают в то же время широкие перспективы и для диахронного изучения белорусских говоров в их исторически обусловленной динамике.

Создание "Лексічнага атласа беларускіх народных гаворак" — это, несомненно, крупный успех белорусских диалектологов. Издание Атласа имеет не только важное культурно-историческое значение для изучения белорусских диалектов (и шире — истории белорусского языка), но и общетеоретическое, поскольку славистика впервые приобрела такое крупное фундаментальное ареальное исследование диалектной лексики, которое дает неопровержимые доказательства надежности лексических данных для установления границ диалектного членения. Карты атласа наглядно проиллюстрировали, что лексические диалектизмы — это не "хаос изоглосс", пересекающих исследуемую территорию без

какой-либо закономерности: они обнаруживают совершенно определенные тенденции к группировке в более или менее компактные пучки изоглосс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- ДАБМ 1963 — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963.
- Ивич П. 1965 — Опыт структурной классификации диалектных различий в славянской языковой области // ОЛА Материалы и исследования. М., 1965.
- ЛГГБГ 1968 — Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак. Мінск, 1968.
- Толстой Н.И. 1977 — Некоторые вопросы соотношения лингво- и этнографических исследований // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977.
- ASJ 1968–1984 — Atlas slovenského jazyka. Bratislava, 1968–1984.
- Dauzat A. 1921 — Essais de géographie linguistique. Vol. 1 Noms d'animaux. Introduction. Paris, 1921.
- Paul H. 1880 — Prinzipien der Sprachgeschichte. Halle, 1880.

Т.И. Вендина